

Теоретические проблемы лингвистики *Theoretical Problems of Linguistics*

© 2010

В.З. Демьянков

О методах контрастивной лингвистики в политологии*

Лингвистическая политология – установление закономерностей использования слов, соответствующих политологическим понятиям. Это название дисциплины построено по образцу уже давно употребляемого термина *лингвистическая философия* в значении «исследование того, как понятия, интересующие философов, упоминаются не только в философских текстах, но и в обыденном языке». Есть у него параллель и с *лингвистической психологией* и *лингвистической эстетикой*, которым посвящены исследования последних лет.

Контрастивная лингвистическая политология – сопоставление узуса двух или большего количества языков с целью выявить и объяснить контрасты – расхождения, несходства – в употреблении «политически нагруженных» слов в разных

политических культурах, этими языками обслуживаемых.

В данной статье мы приведем несколько примеров такого анализа. Идея этих очерков возникла во время презентации первых томов замечательного «Словаря истории русских слов» под редакцией Э.Ф. Володарской.

1. Стена и «Берлинская стена»

Этимологи (например, [9]) считают русское слово *стена* родственным германским основам, означающим ‘камень’¹, и древнеиндийской основе со значением ‘затвердевать’². Выражение *как за каменной стеной* по-русски с этой точки зрения избыточно, оно аналогично выражениям *масло масляное* и *мокрая вода*.

В немецком и некоторых других западно-европейских языках есть как минимум две лексемы, связанные с понятием стены. Так, «Берлинскую стену», разрушенную в 1989 г., немцы всегда называли *Mauer* – словом, заимствованным из латыни (*mūrus*), ср. русское *замуровать*. В немецком языке с этой идеей «замурованности» связана идея отгороженности и вакуума (вспомним крик отчаяния в фильме Гайдая: *Замуровали!* – т.е.: *O gore!*). А у другого слова, *Wand*, также на русский язык переводимого как ‘стена’, но в значении ‘внешняя или внутренняя часть дома; перегородка в комнате’, этого оттенка нет.

Очень живуч в классической русской литературе и во фразеологии образ «непреодолимой, сплошной преграды»: (*сплошная*) *стена людей, деревьев* – плотный строй отдельных предметов, который трудно преодолеть. Интересно, что русскому выражению *глухая стена* – т.е. «стена без окон» – соответствует немецкое «слепая стена» (*blinde Mauer*). Немецкое выражение «головой раз-

* Публикация подготовлена при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (государственный контракт № 02.740.11.0370 по теме «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», рук. Ю.С. Степанов), в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» (2009–2011 гг.), а также при поддержке РГНФ (грант 08–04–00173а «Влияние русско-немецких культурных связей на формирование лексики и фразеологии русского литературного языка», рук. А.А. Зализняк) и в рамках Аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (на тему: «Контрастивное исследование языков и культур: Россия и Западная Европа», рег. 2.1.3/5061, рук. В.З. Демьянков). Темы конкретных очерков родились в результате участия в радиопередачах Л. Пальвелевой (ведущей рубрики «Темы дня: ключевое слово недели» радио «Свобода»), за что огромное ей спасибо.

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич – доктор филологических наук, заместитель директора Института языкознания РАН.

¹ Ср. гот. *Stains* ‘камень’, исл. *Steinn*.

² Ср. санскритское *styāyatē* ‘затвердевает’.

бежаться на стенку» (*mit dem Kopf gegen die Mauer rennen*) является прозрачным соответствием для русских выражений *На стену лезть* и *Пытаться пробить лбом стену*. В немецком языке идею «идти стеной» или «идти стенка на стенку» реализует выражение «надвигаться, как стена без просветов» (*wie eine geschlossene Mauer anrücken*), где упоминается именно зловещая *Mauer*, а не безобидная *Wand*.

Когда между людьми *вырастает стена*, в результате дальнейшего переноса по-русски имеется в виду непонимание человека человеком. Русский оборот *как об стенку горох*, связанный с этим образом, не имеет точного соответствия в западно-европейских языках. Эквивалентное ему по смыслу французское *autant parler à un mur* и итальянское *è come parlare al muro* значат ‘все равно что говорить стене’ и упоминают понятие стены (*muro/mur*); в испанском имеем: *hablar al (divino) botón* ‘говорить с божьей пуговицей’, в чилийском испанском *por la pura piedra* ‘против настоящего камня’, а немецкое выражение *das ist den Mäusen gepfiffen* буквально означает ‘это просвистели для мышей’.

Близкий образ есть в английском языке: сравнение *like a stone wall* означает не только ‘стойко, твердо, решительно’, но и ‘неумолимо’, т.е. вопреки тому, о чем просит собеседник. Английское выражение *Hunger breaks stone walls* имеет смысл ‘Голод ломает каменные стены’, иначе говоря, ‘голод не тетка, нужда многому научит’.

Образы, в которых по-русски в XVIII в. особенно часто использовалось слово *стена*, были связаны с идеей бездушного, бесстрастного собеседника. Так, у А.П. Сумарокова в трагедии «Мстислав» (1774) читаем: *Я был нечувственной сей каменной стеною, / И гасли солнечны лучи передо мною...*

Такое словоупотребление напоминает вышеупомянутый оборот «говорить с каменной стеной» в английском: *it's like talking to a brick wall* ‘это как говорить с кирпичной стеной’. В английском есть даже глагол *to stonewall* ‘устраивать обструкцию в парламенте; блокировать рассмотрение вопроса или законопроекта’. В русском языке этот образ сегодня практически не используется, а когда-то это словоупотребление было живым, напр.: *Он не знал, что делать, не принадлежа к числу записных учителей, готовых за билет час целый толковать свою науку каменной стене* (А.И. Герцен «Записки одного молодого человека», 1840).

Слово *стена* в значении «преграда» употребляется в трех типах контекстов.

Во-первых, защита от внешнего вреда или от внешнего врага: *стеной стоять* (за кого-л.), *как за*

каменной стеной, а также: *И стены в доме помогают*. Иногда о домоседе говорят как о добровольном затворнике, защищающемся от внешнего мира: *засел в четырех стенах* (*in seinen vier Wänden*). В частности, у И.А. Гончарова читаем: *Сравните японское воспитание с китайским: оно одинаково <...> И те и другие подозрительны, недоверчивы: спасаются от опасностей за системой замкнутости, как за каменной стеной* («Фрегат Паллада», 1858). Итак, первая группа употреблений связана со стеной как защитой от внешнего врага. Например, у А.С. Пушкина: *Все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек, за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия* («Капитанская дочка»). По-немецки в таких случаях чаще всего говорят прямо: *unter sicherem Schutz* ‘под надежной защитой’ или же используют образ крепостной стены средневекового замка: *Der hohe Gast hat wieder in unseren Mauern gewelt* ‘Высокий гость вновь побывал в наших стенах’.

Во-вторых, защита от внутреннего врага, скажем, от плохого самочувствия: *Идти по стеночке* – т.е. пользоваться стеной как опорой для «прямохождения». Вспомним очень полезный и душевный совет В.И. Даля: *Пьян, так пробирайся по стенке*. Когда говорят, что кого-либо *поставили к стенке* (*an die Wand stellen*), по-русски и по-немецки иронично имеют в виду последнюю «помощь», «благоденствие», опору для расстреливаемого.

В сибирских говорах зафиксировано словосочетание *стенная девка* в значении ‘плотная, здоровая женщина’: в нем имеются в виду оба предназначения стены – сильной метафоры для слабого пола, который не только «коня на скаку остановит», но и мужу поможет прямо стоять.

Наконец, в-третьих, слово *стена* употребляется со значением ‘оболочка жилища’. Так, говоря *У него в квартире голые стены*, имеют в виду пустую, необжитую квартиру³. Поскольку типовые стены в домах бывают светлыми, часто просто белыми, говорят иногда: *Побледнел, как стена*. Понятие стены иногда служит и образом бессловесного невидимого окружения, которое все слышит: *У стен есть уши* (ср. *Die Wände haben Ohren*).

Вырисовывается следующая картина. Советские руководители, создатели стены между двумя

³ *Воры побудут (обшарят), стены оставляют: а огонь все приберет. Вор ворует – стены покидает, а огонь и все пожират. Одни стены да стрелы в доме, голо, пусто* (В.И. Даль).

частями Берлина, наивно полагали – не без влияния родного русского языка, – что эта стена будет защищать **наш** мир от **чужого**, оберегать его от врага. Для немцев же ассоциация была – в полном соответствии с их родным языком – с непреодолимой враждебной оградой, вызывавшей клаустрофобию – боязнь закрытого пространства. Это идея не *Wand*, нейтральной перегородки в доме, а непреодолимой глухой (по-немецки «слепой») и бездушной стены, *Mauer*, с которой ни о чем договориться невозможно.

Как хорошо, что этой стены больше нет.

2. Реставрация и модернизация

В синонимических словарях русского языка слово реставрация (от латинского *restauratio*⁴) стандартно фигурирует в следующем ряду: восстановление, возобновление, воскрешение, возрождение, исправление, оживление, освежение [1].

Во французском языке это слово, заимствованное из латыни в XIII в. (а глагол *restaurer* ‘восстанавливать’ датируется во французских словарях еще раньше, концом X в.), пишется *restauration* и имеет два значения:

1) реставрация, восстановление (с XVI в.), особенно восстановление династии (в XVII в., применительно к событиям в Англии). В XIX в. на родной французской почве вспомнили этот термин, относившийся к реалиям Англии, но на этот раз применительно к восстановлению династии Бурбонов (1814–1830 гг.); так стали называть еще и стиль в искусстве этой же эпохи;

2) ресторанное дело, а в швейцарском варианте – «ресторан» (ср. *ресторация* в русском).

В английском *restoration* связывается с их «реставрацией» в 1660-е гг., с восстановлением здоровья или формы – но не с рестораном делом (написание слова *restaurateur* ‘ресторатор, владелец ресторана’ по-английски явно указывает на позднее заимствование из французского языка).

По-русски в начале XIX в. это слово произошло то как «ресторация» (на французский манер), то как «реставрация» (как в латыни). Например, у А.И. Тургенева читаем: *Манюэля, изгнанного из камеры депутатов во время ресторации...* («Хроника русского: Дневники 1825–1826 гг.»). Здесь под ресторацией явно имеется в виду не ресторан, а реставрация Бурбонов.

По поводу реставрации во Франции П.А. Вяземский писал: *Впрочем, одним французам могла присниться мысль восстановить этот забытый*

остаток забытой династии. Можно заботиться о восстановлении принципа; реставрация имени, некогда славного, но окончательно погубившего славу себе свою, и к тому же реставрация личности, не имеющей сама по себе никакого нравственного и политического значения, есть одно политическое ребячество («Старая записная книжка: Часть 1», 1825)⁵.

В русском обществе XIX в. могли очень по-разному употреблять это слово, иногда для сегодняшнего уха непривычно. Так, в тех же мемуарах П.А. Вяземского читаем: <...> *одна из крестьянок, которая не последовала за мужем своим в Сибирь и голосистее других оплакивала свое расставание с ним, ныне вовсе не рада возвращению его. Брачная эта реставрация ежедневно празднуется домашними ссорами и драками. Или в псевдоархеологическом смысле: Пока не очистятся наносные груды камней, пепла и земли и не изроют почвы вокруг Иерусалима для отыскания следов древних стен и зданий, ничего не только положительного, но и приблизительного об объеме древнего города знать нельзя. Но входит ли эта реставрация в виды Промысла Божия? Это другой вопрос* (Там же).

Известный русский критик XIX в. Аполлон Григорьев очень часто употребляет это слово в соположении со словом *реакция* (в значении «ретроградство»): *Наконец, что касается до французских романов этого времени, то они также отличались совершенно особенным характером, и притом вовсе еще не реакционным и даже не реставрационным* («Мои литературные и нравственные скитальчества», 1862).

Подытоживает эксперименты над словом *реставрация* в XIX в. В.И. Даль⁶. Для него *реставрация* как термин политиков – не более чем один из оттенков значения ‘восстановление’.

⁵ И далее: «Французская история, с последнего десятилетия минувшего века до наших дней, есть не что иное, как фантазмагория, то кровавая и зверская, то жалкая и смешная, в которой, по какому-то сумасбродному треволнению, лихорадочно передвигаются и перебегают неожиданные события и лица» (там же).

⁶ Ср.: «РЕСТОРАЦИЯ ж. франц. ресторан м. трактир, чистая харчевня. Ресторатор, хозяин съестного заведения. *Реставрация* (то же слово, первое по франц., второе по лат. произношению), выправка обветшалого здания, развалин или картины; вычинка, поправка, восстановление. Реставрировать что, худож. восстанавливать, отделять по-старому; вычерчивать целое здание, по догадкам, из следов развалин. *Все зодчие наши занимались реставрациями греческих либо римских памятников.* Реставратор, всякий, кто чинит и обновляет древние, поломанные ваяния и иные вещи» [3].

⁴ Ср. глагол *restauo* (-āvi, -ātum, -āre [re + stauro, sto]) ‘восстанавливать’ (*aedem* – помещение); ‘возобновлять’ (*bellum* – войну; *matrimonium* – брак).

В словарях же советского времени у слова *реставрация* политическое значение становится независимым от общего 'восстановление в первоначальном виде чего-либо обветшалого или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины)'. Политическая реставрация неизменно оценивается негативно⁷.

Итак, выражаясь современным языком, когда реставрируют вещь или общественный уклад жизни, не надеются обрести полноценный предмет: отреставрированная шуба, часы и т.п. только *выглядят как новые*, но что-то в них остается все-таки старым, менее добротным, чем было когда-то. Держа в руках отреставрированную чашку, мы лишь с опаской будем из нее пить, боясь снова повредить ее: мы с благоговением относимся к этой вещи как к музейному раритету, а не как к предмету обихода. Ведь иначе мы говорили бы о возвращении, о новой вещи, а не о реставрации старой.

Термин *модернизация* также пришел к нам из французского, где словари указывают 1876 год как дату его появления в значении «попытка обновления и их результат»: *les efforts de modernisation dans l'industrie* 'попытка модернизации промышленности'⁸.

Вряд ли мы встретим в современных текстах по-русски фразу о вреде модернизации: сегодня модернизация однозначно хороша. Когда речь

идет об обновлении предмета – техники, оборудования и т.п., речь идет о ее усовершенствовании. Даже о модернизации методов воспитания всегда можно было говорить позитивно. Вот что пишет, например, Н.К. Крупская: *Фёрстер внимательно следит за рабочим движением, его специальность – "этическое" воспитание юношества, модернизация религиозного воспитания* [4].

Но в контексте «*модернизация взглядов на что-либо*» (сегодня исключительно редком) слово *модернизация* употреблялось примерно с конца XIX в. до середины 1960-х гг. в негативном смысле, а именно – как неадекватное приписывание прошлому черт настоящего.

Скажем, в «Малом энциклопедическом словаре в трех томах» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1899–1902) в статье М. Корелина об истории христианства Ренане читаем: *Отсюда захватывающий интерес его книг, отсюда же и коренной их недостаток – крайний субъективизм и модернизация первоначального христианства и его деятелей*. И далее: *... тот же произвольный субъективизм в характеристиках, та же модернизация явлений прошлого*. Негативный смысл сегодня очень непривычен, «ретрограден»⁹.

Итак, модернизация предмета, данного нам непосредственно, заслуживает похвалы, а модернизация суждений о предмете, данном только из чужих рук, представлялась раньше – как и сегодня – неоправданной. Такое «осовременивание» всегда заслуживало порицания.

Но со временем слово *модернизация* стало практически всегда означать позитив, а слово *осовременивание* – русская версия для заимствованного слова *модернизация* – и раньше, и сегодня чаще всего имеет негативный привкус¹⁰. Например: *Реставрация классического произведения, т.е. изображение его на сцене так, как играли в*

⁷ Например, в четырехтомном «Словаре русского языка» [6] и позже в словаре Ожегова, затем [5] имеем два значения: «1. Восстановление в первоначальном виде чего-л. обветшалого или разрушенного (обычно произведений искусства, памятников старины). [Архитектор] был вызван для реставрации кладбищенской церкви. Чехов, Старость. [Штруф] занимался также реставрацией картин, и Петр Евграфович нанял его промыть загрязненный лак на тестевом портрете. Леонов, Скутаревский. 2. Восстановление прежнего, свергнутого политического строя. *Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки политических представителей старого порядка*. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов. – *Какого ты мнения, друг мой, – спрашивал он, – о реставрации монархического начала в современной Франции?* Куприн, Поединок». Впрочем, несколько раньше, в 1930-е гг. Д.Н. Ушаков указывал как третье значение: «(Р прописное). Период с 1814 по 1830 г. во Франции, когда после Наполеона Бонапарта власть вновь перешла к Бурбонам, династия к-рых была свергнута во время буржуазной революции конца 18 в. (истор.). *Эпоха Реставрации. Люди времени Реставрации*» [8].

⁸ Слово *moderne* во французском датируется 1361 г. как заимствование из поздней латыни *modernus*, от *modo* – 'недавно, в последнее время'. Глагол же *modernizer* 'модернизировать' во французском появился в 1754 г.

⁹ Отзвук негативного отношения к модернизации имеем в МАС: «МОДЕРНИЗИРОВАТЬ, -рую, -руешь; сов. и несов., перех. 1. Изменить (изменять) что-л. соответственно современным требованиям и вкусам. *Мой станок был модернизирован. По моей просьбе на нем установили более мощный мотор*. П.Б. Быков, Путь к счастью. 2. Придать (придавать) прошлому не свойственные ему современные черты. *Модернизировать старую легенду*» [6].

¹⁰ Ср. в словаре [6]: «ОСОВРЕМЕНИТЬ, -ню, -нишь; сов., перех. (несов. осовременивать). Разг. Сделать более соответствующим духу, требованиям, настроению и т.д. современности. *Осовременить пьесу. Возвращаясь к той книге, о которой я пишу, мне хочется подчеркнуть, что она не является препарированной, осовремененной переработкой эпоса*. Симонов, На разные темы».

старину, было бы чисто эстетическим и совершенно ненужным явлением. Но нельзя и **осовременивать** произведение, например, одевать Гамлета в советский френч и переносить целиком этот образ из далекой эпохи в нашу. Эти два творческих полюса одинаково чужды нашей современности [7].

И здесь мы возвращаемся к слову *реставрация* в его переносном смысле. Сегодня двумя крайностями считаются как реставрация прежнего общественного уклада, так и осовременивание.

В реставрированном общественном укладе столь же некомфортно жить, что и ехать в реставрированной карете прошлого: хотя бы потому, что каждая новая эпоха приносит с собой и новые стандарты удобства.

Впрочем, история каждый раз по-новому решает, что лучше: то, что нам кажется хорошим в прошлом (оно заслуживает реставрации или модернизации), или то, что нам кажется плохим сегодня.

Для многих из нас есть, видимо, какая-то житейская истина в поговорке: «Мы люди бедненькие, но честненькие: носим все старенькое, но чистенькое».

Тем, кто все-таки хочет **реставрировать**, вернуть видимость прежней новизны тому, что полюбилось в старой жизни, следует иногда задуматься: а не **модернизируем** ли мы (в старом, негативном смысле слова) взгляд на вещи, которые хотим реставрировать, не идеализируем ли мы их? Более того: даже если нам удастся эти вещи реставрировать, будут ли они столь же надежны и удобны в новых условиях, как и тогда, когда они были новыми для своего времени?

3. Черные листовки и черные мысли

В средствах массовой информации недавно появились сообщения о «черных» листовках, призывающих к свержению власти. В этой связи рассмотрим семантику черного цвета в рамках контрастивной лингвистической политологии.

Черный цвет одежды в общественной жизни обладает связью с торжественностью. Так, известно, что фраки в XIX в. могли быть самых разных цветов, однако в торжественных случаях уместен (в XIX–XX вв. исключительно, а сегодня – как правило) черный фрак.

Откуда же ассоциация черного с мрачным, даже со злым, существующая не только в русской, но и в других культурах? Ведь изначально у этого эпитета не было такого негативного значения.

Черный цвет исходно был цветом обыденности, невыделенности. Отсюда *черный монах* – рядовой, не выслужившийся еще член братства;

слово *чернь* первоначально также не имело такого оттенка «злого» – скорее значение «рядовой». *Очернить* кого-либо в переносном смысле значило первоначально, по-видимому, «сделать обыденным, ничем не выделяющимся». Затем – «свести с пьедестала, лишить высокого статуса». Затем же, по инерции «ухудшения», *черный* начинает означать ‘плохой’ и даже ‘злонамеренный’, а не просто ‘посредственный’¹¹. А место «черноты» в этом смысле сегодня занял серый цвет – ср. *серость* в значении ‘посредственность’.

Это «созначение» черного, т.е. ассоциация с мрачным и даже со злым, характеризует не только русскую культуру, но и европейскую и даже не-европейские культуры. Например, по-турецки *kara* означает не только ‘земля’, но и ‘черный, цвета земли’. По переносу вполне обычно по-турецки употребить этот же эпитет в значении ‘тяжелый, мрачный’: *kara düşünceler* ‘мрачные мысли’, *kara gün* ‘черный день, тяжелые времена’, *kara ağızlı* (букв. ‘обладающий черным ртом’) ‘клеветник’. Вообще же по-турецки, как и в других тюркских языках, черным, т.е. грустным и печальным, может стать практически все.

Это созвучно цветовым ассоциациям в европейских культурах, начиная с античности, особенно со словоупотребления в латыни. Так, и по-русски, и по-английски, и по-итальянски, и по-французски неблагодарность бывает черной (*black ingratitude*, *nera ingratitude*, *noire ingratitude*). Поливая грязью, мы черним или очерняем и т.п.

По-немецки идут даже дальше, когда говорят о «черной» душе (*schwarze Seele*), о «черном» сердце (*schwarzes Herz*) и о «черном» поступке (*schwarze Tat*): по-русски в таких случаях чаще говорят о низкой душе, о злом сердце и о гнусном поступке. В европейских культурах, как и по-русски, «чернеют», когда погружаются в заботы. Однако по-испански, по-итальянски и по-французски говорят о «черной судьбе» (*suerte negra*, *nero destino*, *noire destinée*), имея в виду горькую долю. А французским «черным предчувствиям» (*noirs pressentiments*) соответствуют все-таки русские тяжелые, а не черные предчувствия.

Возможно, в будущем мы по-русски будем говорить, как сегодня по-французски, о черном романе (*roman noir*) и о черном фильме (*film noir*) – особом жанре «мрачного» детективного романа или фильма.

Столь же распространена и ассоциация черного с незаконным поступком и даже с прямым

¹¹ Например, *черный* по-русски издавна служит в качестве эвфемистической замены для слова *черт*. Так, *черное слово* – это выражение, в котором поминается черт (см. [9, т. 4]).

обманом. Русскому понятию *черный рынок* мы находим соответствие и в тюркских (*kara borsa*, *kara pazar*), и в западноевропейских языках (ср. английское *black market*, немецкое *Schwarzmarkt*, французское *marché noir*).

Итак, в моральной области *черный* по-русски и во многих других языках значит одновременно и «плохой», и «злой», и «скорбный». В области ритуалов этот цвет символизирует нечто торжественное, не обязательно праздничное, но и не обязательно мрачное. В молодежной моде на протяжении последних 15 лет этот цвет, впрочем, не кажется столь же маркированным, как в 1970–1980-е гг.

Однако в словосочетании *черные листовки* эпитет *черный* связан скорее всего со значением «поддельный, незаконный», как в русском *черный рынок* и в немецких *Schwarzhörer* ‘черный слушатель’ (радиозаяц, владелец незарегистрированного радиоприемника), *Schwarzfahrer* ‘черный пассажир’ («заяц», безбилетник), *Schwarzkäufer* ‘черный покупатель’ (покупатель на черном рынке или из-под полы) и т.п. Этот оттенок применительно к слову «черный» в русском языке на протяжении последних веков встречается все-таки значительно реже, чем оттенок «мрачный».

4. Наследие и наследство

Теперь речь пойдет о контрасте в употреблении исторических дублетов, в последнее время противопоставляемых в политологическом смысле.

Сравнительно недавно стало традицией отмечать «День исторического и культурного наследия Москвы». В наш прагматичный век, когда право на собственность объявлено священным, разграничение слов *наследие* и *наследство* произошло не полностью, хотя и осознается носителями языка.

В академических словарях русского языка, в словарях синонимов и т.п. – везде указывается, что *наследие* и *наследство* – полные синонимы, т.е. взаимозаменяемы. Однако есть контексты: 1) где эти слова употребляются в разных значениях и 2) где употребляется одно слово, но не другое.

Случай первый. Бывает *спорное/законное наследство*, когда неясно, кто должен быть наследником, стал ли данный человек наследником по закону или в обход закона. Однако *спорное/законное наследие* – нечто другое: то, ценность чего сомнительна.

Наследие бывает культурным, духовным, творческим, научным, литературным, даже лингвистическим: это труды предшественников, каждый по-своему значимый и важный. Когда же говорят о *литературном, музыкальном* и т.п.

наследстве (так назывались серии сборников в 1930–40-е гг. и позже), имеется в виду неразобранное, нерасклассифицированное хозяйство, доставшееся от предыдущих поколений. Например, у В.В. Виноградова встречаем словосочетания *лингвистическое, лексическое* и *культурное наследство*¹² в значении «сокровища живого языка». А вот лингвистические труды, труды лингвистов-предшественников естественнее всего называть наследием, а не наследством.

Нищенское наследство звучит привычно, однако *нищенское наследие* – вряд ли, разве что в значении «духовные идеалы нищеты». *Отказаться от наследства* – значит отказаться от имущества; а *отказаться от наследия* – отречься от идеалов, доставшихся от предыдущих поколений. Выражение *собственность на рукописное наследство* так же правильно, как и *собственность на рукописное наследие*. Однако скорее правильно *эпистолярное наследие*, чем *эпистолярное наследство*.

Случай второй.

1. Можно говорить о наследии, но не о наследстве. Так, бывает *наследие прошлого*, но не *наследство прошлого*. *Престолонаследие* и *единонаследие* зафиксированы в наших словарях XVIII–XXI вв., но не находим **престолонаследство* и **единонаследство*. И в звездном, нескончаемом, родном он узнает *наследье роковое* (Ф. Тютчев): эти слова вряд ли можно перефразировать со словом *наследство*.

2. Можно говорить о наследстве, но не о наследии. *Передавать и получать по наследству, достаться по наследству* – правильно, но нельзя сказать **передавать или получить по наследию, *достаться по наследию*. *Входить в наследство, оставить наследство и высудить наследство* – нормально, но не **входить в наследие, не *оставить наследие* и не **высудить наследие*. Зарегистрировано словосочетание *война за испанское наследство* – т.е. война за территории в Европе, а не за духовные ценности.

Наследство – что-то вроде кучи добра, не разложенного по полочкам. Предпосылкой для передачи наследства является физическая смерть предыдущего владельца. А для наследия смерть владельца не существенна: наследие (или то, чему приписывается этот высокий статус) делает бессмертным и само это достояние, и всех, кто когда-либо обладал и обладает им.

¹² Например: *Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать лингвистическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка* [2].

Когда смысл «единиц хранения» прояснен, установлена его «духовная» ценность, мы имеем дело с наследием. Но *преумножать* можно и *наследие*, и *наследство*.

Литература

1. *Абрамов Н.А.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1863–1866.
4. *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: Т. 1. Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. М., 1957.

5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

6. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистических исследований. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.

7. *Толстой А.Н.* Публицистические произведения. М., 1959.

8. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.

9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. М., 1987.

10. Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. Брокгауза, И. Ефрона. М., 1890–1907.

ON CONTRASTIVE-LINGUISTIC METHODS IN POLITICAL SCIENCE

V.Z. Demyankov

Summary

The main task of 'linguistic politology' consists in applying linguistic methods to political studies, i. a. in exploring linguistic means of denoting politically loaded notions in different texts. Like the ordinary-language philosophy, this discipline aims at clarifying the sense of these words with the further task of solving specific problems of the political science itself. The task of contrastive linguistics in this domain consists in investigating the differences between several languages caused by different attitudes of their speakers to political processes, institutions, and behaviour. Linguistic analyses of the following concepts in Russian and in some West-European languages are given: 'wall' (as in 'the Berlin wall'), 'restoration' vs. 'modernization', the symbolism of 'black', and 'cultural inheritance'.

